

УДК 1:316
ББК 60.027

ПРОЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ – ЕВРОПЕЙСКИЙ СОБЛАЗН

Т.П. Матяш, Е.Е. Несмеянов

Историко-философский контекст модернизации, представленный в статье, позволяет рассматривать ее как не ограничивающийся технологическими достижениями культурно-исторический процесс. Авторы ставят вопрос о целесообразности введения западной матрицы модерна в России, подчеркивая необходимость поиска духовного смысла, «сверхидеи», способной объединить общество, вдохновить людей на творческое созидание.

Ключевые слова: *цивилизация, модернизация, глобализация, культура, сакрализация, десакрализация, догоняющее развитие, духовность.*

Модернизация – таково задание России, сформулированное нынешним российским президентом Д.В. Медведевым. Установка на модернизацию была главной в национальной повестке дня и во время второго срока президентства В.В. Путина. Но ни тогда, ни сейчас не озвучено конкретное содержание идеи модернизации, ее происхождение, что затрудняет понимание того, какие стратегические и тактические шаги необходимо предпринимать для осуществления модернизационного проекта. Лозунг «Россия, вперед!» нуждается в наполнении сущностным содержанием, для чего следует прояснить цели этого движения «вперед» и объяснить, что такое «вперед». Из Посланий обоих президентов РФ Федеральному собранию (2003 и 2009 гг. соответственно) можно сделать вывод, что под модернизацией они понимают технологический, духовный и социальный прогресс, связывая его с переходом от индустриального к постиндустриальному обществу, предполагающим внедрение инновационной модели развития. Современная политическая элита также не ограничивает модернизацию только технологическими аспектами, а толкует модернизацию как «осовременивание» российского общества путем изменения экономической, политической, культурной и духовной сфер его жизни.

Но что такое современность? Слова «модернизация» и «модерн» на первый взгляд имеют одно и то же этимологическое значение – «современный», а потому модернизация и переводится как «осовременивание». Действительно, слово «модерн» в значении «современный» стало употребляться примерно в V в. для разграничения обретшего официальный статус христианства и языческого античного прошлого. Век христианства и был модерном. Следующая за средневековьем эпоха Нового времени также была модерном. Время любого модерна позиционирует свою эпоху как новую по отношению к прошлому, что и зафиксировал Гегель в предисловии к «Феноменологии духа»: «Дух порвал с до сих пор бывшим миром своего наличного бытия и своего представления о себе и готов погрузить его в прошлое». В ходе своей реализации модерн непрерывно обновляет свой разрыв с прошлым, что является оборотной стороной движения навстречу будущему. Поэтому каждый модерн сопровождался обновлением семантических, аксиологических и других установок сознания не только интеллектуальной, духовной элиты, но и народных масс. Например, средневековье было модерном по отношению к языческой античной культуре, и позиционирование проходило по границе профанное и сакральное время. Сакральное понимание времени, включающее в качестве главной идею о том, что новое время не тождественно настоящему, что новое время еще

только предстоит как эпоха будущего, открывающаяся днем Страшного суда (см. у Шеллинга «Философия мировых эпох»), создало водораздел между античной и средневековой культурами.

Ренессанс, Реформация стали началом формирования модерна Нового времени. Противопоставив себя Средним векам, новоевропейский модерн вернул аксиологическую значимость профанному понятию времени, согласно которому считалось, что будущее уже началось, ибо каждый момент настоящего открыт будущему и в каждом своем моменте рождает его. Признавая, что процессуальное рождение будущего в недрах настоящего является главной особенностью Нового времени, Гегель писал, что «наше время есть время рождения и перехода к новому периоду». Новоевропейский модерн нуждался в новом словаре и новом понятийном строе мышления. Термины и понятия «свобода», «революция», «прогресс», «развитие», «кризис», «дух времени» и т. д. стали ключевыми в философских системах и политических трактатах мыслителей Нового времени. Наиболее полно эти понятия были разработаны в философии Гегеля. Новоевропейскому модерну была имманентна идея рациональности, и до М. Вебера связь модерна и рациональности не подвергалась сомнению.

Был ли советский социализм модерном, соизмеримым с новоевропейским модерном? И да, и нет. С одной стороны, социализм воспроизвел главные черты новоевропейского модерна: отказ от ориентации на прошлое и использование настоящего в качестве «реторты», в которой ежечасно рождается будущее; господство рациональности; диктат разума (законодательного), стремящегося десакрализовать, профанизовать все формы общественной жизни, сформировать рационализированные жизненные миры (взамен самобытно традиционных); востребованность терминов и понятий «свобода», «революция», «прогресс», «развитие», «дух времени» и т. д. в качестве ключевых не только в философских системах и политических трактатах мыслителей, но и в массовых «речевках».

Но, с другой стороны, во всех этих аналогиях были «отклонения», которые специфицировали советский модерн в сравнении с но-

воевропейским. Во-первых, западноевропейский модерн отказался от средневекового прошлого, но при этом стремился возродить античное прошлое. Советский модерн отверг все прошлое отечественной культуры. Во-вторых, в отличие от западного модерна социалистический модерн сопровождал десакрализацию жизненного и социального миров невиданной по масштабам, формам и средствам борьбой с религией, особенно православно-христианской. Если на Западе профанизация культуры, уходящая корнями в эпоху религиозной Реформации, снизившей трансцендентно-мистический накал церковных догматов и религиозных чувств, не «отменила» христианской веры, то в советской России христианство (как впрочем, и другие религии) было объявлено «опиумом» для народа. В-третьих, своеобразным было в советском модерне и отношение к будущему, которое рисовалось как еще предстоящее новое время, отождествляемое со временем построения коммунизма. Налицо аналогия со средневековым христианством Западной Европы, которое также обозначало новое время как еще предстоящую, открывающуюся днем Страшного суда мировую эпоху будущего. В теории социализма творцами новой мировой эпохи будущего были люди «без Бога». Эпоха коммунистического будущего строилась людьми, реализующими ими же (а вернее, классиками марксизма-ленинизма) сотворенную идею. В-четвертых, так как любая идея, не только сакральная, требует веры, без которой ее реализация на практике обречена на неуспех, то вера в коммунизм стала одним из главных рычагов энтузиазма строителей коммунизма. Эта вера породила феномен ресакрализации самой идеи коммунизма. Многие русские религиозные философы предугадали, что эта идея будет иметь особый сакральный смысл. Например, Бердяев увидел в коммунистической идее, при всей ее декларируемой в теории и жестко реализуемой на практике антирелигиозной направленности, какой-то религиозно-тревожный, сверхчеловеческий пафос. Существует миф о том, что в первые годы советской власти всерьез обсуждался вопрос о создании некоей новой троицы взамен христианской Троицы. Эту троицу должны были составить Маркс, Энгельс, Ленин. Коммунистическая

идея выступила в форме особой «религии», породив культ земной материальной силы, призванной построить рай на земле. Эта «религия» разработала и свою догматику, в рамках которой априори святым был пролетариат, начало грехопадения отождествлялось с появлением частной собственности, а христианско-религиозная идея спасения была трансформирована в идею жертвенности живущего поколения ради построения коммунизма, в котором будущие поколения будут жить счастливо и безмятежно. Все поколения, – писал Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма», – «являются лишь средством для осуществления этой блаженной жизни, этого счастливого поколения избранных, которое должно явиться в каком-то неведомом и чуждом для нас грядущем», а «для огромной массы человеческих поколений и для бесконечного ряда времен и эпох существуют только смерть и могила».

Итак, своеобразие советского модерна состояло в том, что он базировался не на углублении и оттачивании характерного для западного модерна процесса десакрализации государства, общества и личности, а на ресакрализации идеи коммунизма и институтов власти. Либеральный и эгалитарный Запад проинтерпретировал процессы ресакрализации идеи коммунизма в СССР как тоталитаризм. Поэтому, несмотря на явную приверженность проекту Просвещения во всем, что касалось доверия к разуму и науке, советский модерн воспринимался Западом как «несовременная» современность. Но невзирая на настороженное отношение Запада к советскому модерну, реально в мире сосуществовали два «новых» времени, две современности вплоть до распада СССР.

В 50-е гг. XX в. понятие «модерн», как оно сформировалось в Новое время, было заменено понятием «модернизация», которое, в отличие от понятия «модерн», не имело отношения к характеристике исторически свершившегося перехода от средневековой системы ценностей и мышления к новоевропейскому рационализму. Введение понятия «модернизация» отразило сформировавшееся в западноевропейской мысли убеждение, что новоевропейский модерн, связанный с рациональностью, устарел, а предпосылки Просвеще-

ния уже мертвы. Ю. Хабермас соглашается с А. Геленом, что «заложенные» в новоевропейском модерне «возможности ... все развить», что модерн исчерпал свой творческий потенциал.

«Похоронив» исчерпавший свой творческий потенциал новоевропейский модерн, Европа не смогла освободиться от его последствий, которые продолжали действовать. К этим последствиям относится, прежде всего, кристаллизация модерна в некую «единую», «не поддающуюся никакому влиянию систему», в которой, как считает Ю. Хабермас, «доминируют функциональные законы экономики, техники, государства, науки», претендующие на то, чтобы стать главными структурными компонентами общества. Потеряв связь со своим истоком (культурно-историческим модерном), они превратились в «голый результат». Но «голый результат» всегда абстрактен. В силу своей абстрактности последствия модерна приобрели форму универсальной всеобщности. Функциональные законы экономики и государства, техники и науки стали рассматриваться как универсально всеобщие, определяющие характер и содержание процесса развития любой страны вообще. Модернизация и есть процесс внедрения абстрактных последствий культурного модерна. Можно сказать и по-другому. Действие последствий модерна, получивших статус универсальных, а потому абстрактных всеобщностей, и есть основное содержание модернизации. Суть модернизации сводится к тому, чтобы использовать функциональные законы экономики и государства, техники и науки в целях постоянного наращивания темпов общественного развития. Процессы ускорения, ставшие главным содержанием модернизации, также приобрели форму универсальной всеобщности, не учитывающей специфику культур, ввергаемых в модернизацию. Нарастание динамики взаимного усиления и соответственно ускоренного развития таких процессов, как формирование капитала и мобилизация ресурсов; развитие производительных сил и повышение продуктивности труда; расширение политических прав; развитие городских форм жизни; установление формального школьного образования; секуляризация ценностей и норм и др. стали универсальными направлениями модернизации любой страны. В своих требованиях

бесконечного движения к совершенствованию, ускорению темпов роста во всех сферах жизни модернизация обрела глобальное измерение.

Признание «исчерпанности» потенциала модерна позволило современным философам, в частности так называемым постмодернистам, утверждать, что время метафизических вопросов («почему?», «как?», «зачем?») и метафизических ответов прошло. Поэтому абстрактные принципы модернизации и их истоки никто не обосновывает. Они просто обозначаются, фиксируются как нечто само собой разумеющееся. Никто не спрашивает, почему капитализм претендует на право признавать себя в качестве естественного состояния жизни общества, а рыночные отношения объявляются высшей ценностью; человекомерно ли постоянное ускорение темпов производства и темпов жизни; кто дает людям право считать свои права абсолютной ценностью; почему у либеральной демократии и рынка не может быть альтернатив и т.д. Абстрагируясь от рациональной сущности новоевропейского модерна, признавая только его результаты, теория модернизации превратилась в самодостаточную и саморазвивающуюся, не связанную с классическим пониманием модерна, и процессы модернизации не получают рационального объяснения.

После крушения СССР выигравший в «холодной войне» Запад оказался единственной «современной» цивилизацией. Смысл этой «современности» состоит в том, что Запад продуцирует идею универсальной и глобальной ценности проекта модернизации, то есть неизбежности и необходимости постоянного наращивания темпов развития во всех сферах жизни общества, но прежде всего в экономике и военной промышленности. Идея универсальности проекта модернизации коррелируется с интересами общества потребления, а потому воспринимается как само собой разумеющаяся. Очевидно, что постоянное наращивание темпов развития может осуществляться только при условии качественных научно-технологических прорывов. И поэтому теория модернизации, внешне отгородившись от своего прародителя – новоевропейского модерна, не смогла отказаться от присущей модерну ориентации на науку.

Вызов модернизации имеет глобальные масштабы, а потому Россия не может его проигнорировать, но в то же время и адекватно ответить на него по причине глубокого разрушения за время перестройки экономики, науки и иных структур общественной жизни. Чтобы ускорять развитие промышленного потенциала, надо его уже иметь. Идея модернизации вынуждает Россию вновь «догонять» Запад, что, как показывает история, требует мобилизационных усилий со стороны власти и народа. Нынешняя власть не признает необходимости таких усилий, а потому не ясно, как и за счет каких ресурсов власть надеется провести ускорение темпов общественного развития. Это во-первых.

Во-вторых, политическая элита до сих пор явно не объяснила народу, во имя каких целей необходимо тратить огромный сырьевой и человеческий ресурс на то, чтобы наращивать промышленное и военное производство, повышать производительность труда, ускоренно развивать городские формы жизни, вводить формальное школьное образование, то есть почему целесообразно и целесообразно ли жить по матрице модернизации, предложенной «современным» Западом. Если политической элите удастся обосновать такую целесообразность, то для запуска «механизмов» модернизации надо будет учесть опыт российской истории, включая и опыт построения социализма. Но этот опыт показывает, что людей вдохновляют на творческое созидание некие «высокие», а не прагматические идеи, признающие материальное благополучие важнее высших ценностей и смыслов человеческого существования. Поэтому нельзя надеяться на то, что в качестве мобилизационных смогут выступать цели, связанные, например, с развитием крупного, среднего, мелкого и всякого иного бизнеса. Бизнес – это рентабельность, а не духовность. Экономические книги, Интернет, мобильник и т.д., хотя и являются необходимыми компонентами современной практической обывательской жизни, не формируют духовность. Поэтому для активного и добровольного включения страны в модернизационную гонку политическая элита должна предложить некую «сверхидею», которая смогла бы объединить большую часть работоспособного населения. Следовательно, политическая элита должна отказаться от убеждения, что для модерни-

зации необходимы лишь инвестиции и льготы со стороны государства собственникам средств производства. О необходимости при заимствовании западных идей учитывать специфику русской культуры, ее некую «ненормальность», состоящую в «духовноцентричности», «культуроцентричности», предупреждали практически все русские философы, даже так называемые западники. Например, П. Чаадаев понимал, чтобы стать Западом, то есть жить ради ускорения темпов материального производства и повышения уровня благополучия, России следует отказаться от православного вероисповедания.

В-третьих, политическая элита в процессе рефлексивной оценки сущности концепции модернизации с необходимостью должна озадачиться проблемой: не грозит ли антропологической и технологической катастрофами обреченность планетарной жизни на вечное ее ускорение. Критический анализ сущности, смысла, ценности модернизации как некоей универсальной, а потому абстрактной всеобщей цели ускоренного развития, по-видимому, смог бы подвести российскую политическую элиту к осознанию необходимости обсудить с мировой общественностью вопросы о целесообразности бес-

конечного процесса модернизации и его небезопасности для жизни на планете.

Можно продолжить перечень тех вопросов и проблем, связанных с модернизацией, которые российская политическая элита должна рефлексивно отработать, для того чтобы сформировать стратегию и тактику модернизации, в случае если таковая будет признана действительно необходимой для России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барни, Д. Интеллектуальный пейзаж современной Франции / Д. Барни // Элементы. Евразийское обозрение. – М., 1998. – № 9.
2. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
3. Гегель, Г. Феноменология духа / Г. Гегель. – СПб.: Наука, 1992.
4. Модернизация в России и конфликт ценностей. – М.: ИФ РАН, 1994.
5. Путь России к информационному обществу (предпосылки, индикаторы, проблемы, особенности). – М.: Институт системного анализа РАН, 1997.
6. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М.: Весь мир, 2003. – 416 с.

MODERNIZATION PROJECT – A EUROPEAN TEMPTATION

T.P. Matyash, Ee.E. Nesmeyanov

Historical and philosophical context of modernization, presented in the article, helps to consider the process as a cultural and historical process which is not limited to technological innovations. The authors raise the question of the appropriateness of introducing western modernization matrix in Russia, stressing the need to find a spiritual meaning, an ‘ultra-idea’ capable of uniting society and inspiring creativity.

Key words: *civilization, modernization, globalization, culture, sacralization, desacralization, catch-up development, spirituality.*